

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

.....

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Конец крымской орды

Русский исторический бестселлер

Александр Тамоников

**Иван Грозный. Конец
крымской орды**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Иван Грозный. Конец крымской орды / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2020 — (Русский исторический бестселлер)

ISBN 978-5-04-113426-6

1572 год. Москва только что оправилась от разрушительного набега татар. Но крымский хан Девлет Гирей не думает успокаиваться. Он готовит новый поход. На этот раз хан планирует окончательно разбить русских и сесть в Москве «на царство». Царь Иван Грозный спешно готовится к обороне: строит новые пограничные укрепления, усиливает войско донскими казаками и немецкими рейтарами. Решено встретить врага на берегах Оки. Туда на разведку отправляется отряд воеводы Михайлы Бордака. Он видит, как татары переправляются через реку, и спешит сообщить об этом главному воеводе князю Воротынскому. Ни татары, ни сам Бордак еще не знают, какая ловушка готовится степнякам на этом берегу...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113426-6

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Тамоников
Иван Грозный. Конец крымской орды

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Боярин Михайло Бордак плохо спал в ту ночь. Покой отгоняли тревожные мысли об Алене и ее сыне Петруше. Недавно он спас их, выкупил из неволи в Крыму, в городе Кафа, где выполнял тайное задание, порученное ему царем Иваном Васильевичем. Потом эта женщина, мужа которой зарубили татары, стала его женой.

Удалось ли им теперь уйти из Москвы? Они должны были покинуть столицу на ладье княжича Василия Парфенова. Ее на месте не было. Как и немногочисленной челяди. Княжич сам проверял. Но значит ли это, что Алена, которой рожать скоро, да Петруша с помощью ключника Герасима и Марфы, а также служки Кольки дошли до подворья княжича и успели сесть в ладью? Смогла ли она пробиться чрез затвор из разных судов, на которых люди уплывали из посада? А если сели, то довел ли кормчий Демид Глухов ладью до вотчины Парфенова, в село Стешино, которое вниз по течению в шестидесяти верстах? Но даже если ушли, сели, уплыли и добрались до села, то не попали ли там в полон к татарам? Ведь именно туда, ну, может, чуть восточнее повел свою орду Девлет-Гирей.

Мысли мучили его так, что разболелась голова. Луна пошла к востоку, когда Бордак не выдержал и вылез из шалаша, стоявшего на елани.

Его заметил дозорный опричник, который нес службу в то время.

– Боярин, ты чего не спишь? Или по нужде вышел? – спросил он.

– По нужде.

– Мы отхожее место устроили сразу за правыми шалашами. Ты не испачкайся там.

– Ты, ратник, службу свою бди, обо мне не беспокойся. Другая у меня нужда.

– Скажи, какая, боярин. Может, подмогу. У меня бабка знахаркой знатной была. Мать тоже шла по ее следам, хотя и недолго, померла рано. Ну и мне кое-что от них досталось. Знаю немало трав, которые от разной хвори помогают.

– Боль головная у меня, ратник.

– Ударился?

– Нет.

– А в членах слабость есть? В жар, озноб не кидает?

– Нет. Постоянно думаю о жене с сыном, оттого и боль, наверное.

– Они на Москве остались?

– Где же еще?

– Многие заранее ушли.

– Умнее нас оказались. Но чего теперь об этом говорить? У тебя-то где семья?

Опричник вздохнул и ответил:

– Нет у меня ни жены, ни детей, ни отца, ни мамки. Один я на этом свете. Но моя история долгая и тебе, вельможной особе, не интересная.

– Отчего же? Поведай о жизни своей.

– Нет, не буду. Не хочу ворошить прошлое, слишком уж худое оно. Сейчас лучше. Мне и думать-то не о ком. Весь в службе. Но коли постоишь за меня да последишь малость за еланью, то принесу травы одной. Вдруг она тебе и поможет.

– Я-то постою, но что за трава такая у тебя? Ее ведь, наверное, заваривать надо, а где сейчас это сделать? Костры не горят, от лучин проку нет.

– Моя трава особая. В ней лечебные только верхушки. Их можно и в холодной воде растолочь. Конечно, отвар лучше, но сойдет и так.

– Ладно, неси. Все одно хуже не станет.

– Это так. – Опричник прошел к левому ряду шалашей, скрылся между ними, вскоре вернулся с тряпицей. – Держи, воевода. В чашу воды налей, из тряпицы осторожно достань

пучок травы, вершки стряхни, но только зерна, их рукояткой ножа растолки... хотя чего это я? Сам все быстрее сделаю.

Бордак невольно улыбнулся и сказал:

– Твоя правда, ратник. Лучше сделай сам.

– Чашу надо, вода у меня есть в бурдючке.

– Сейчас принесу. Кроме чаши ничего не надо?

– Нет, нож у меня тоже всегда при себе. – Ратник принялся за приготовление зелья.

Бордак же прошел ко второму, внешнему дозору. Там службу нес опричник Семен Топарь. Он лежал за кустом, услышал шорох сзади, резко обернулся.

– Тихо, Семен, это я.

– Боярин? – удивился Топарь.

– Я. Ну что у тебя тут?

– Ничего, боярин, тишина.

– Это хорошо.

– Вот только дымом потягивает, чуешь?

Михайло принялся. С юга действительно тянуло дымом.

– Да, что-то горит. И давно ты почуял дым?

– Нет, недавно, как ветерок сменился. Раньше он дул с запада, тогда дыма не было. А сейчас он такой, будто с пожарища прилетел, еще тлеющего.

– Вон там впереди у нас село.

– Далеко?

– Верстах в десяти. Неужто оно сгорело?

– Могло. А то и не село, а лес глубже.

– Утром двинемся к реке, мимо села пойдем, тогда все и узнаем.

– Воистину.

– А так, говоришь, все спокойно?

– Сам видишь. Тихо как на погосте, даже мелких птиц не слышно. В это время совы обычно летают. Сейчас нет и их.

– Орда прошла, распугала и людей, и зверей. От нее все бегут.

– Это да. А Москву-то как шустро татары сожгли, а?

– Им повезло. Не начнись ураган, выстояли бы наши полки. Но вмешались небесные силы. А против них всяк бессилен. Только Господу Богу подвластно все то, что происходит и на земле, и в небе.

– Так почему Он не защитил столицу православную?

– Не богохульствуй, Семен. Видать, прогневали мы Бога, и послал Он нам жуткое испытание. Но не обделит и милостью.

– Быстрее бы.

– У тебя жена есть?

– Нет. И не было покуда.

– А родные на Москве проживают?

– Слава Богу, нет. В Угличе они. Отец сапожник, мать с сестрой по хозяйству. Вот сестра собиралась замуж. Отец приезжал на Москву, говорил о том. Звал меня домой по осени. Но куда теперь? Не до свадеб.

– Не след так говорить, Семен. Жизнь продолжается.

Ратник взглянул на воеводу и спросил:

– А тебе чего не спится, боярин?

– Маюсь, не ведаю, что с семьей моей. Она на Москве оставалась. А жена родить скоро должна. Где они с сыном теперь, живы ли? Вот что меня очень беспокоит, Семен.

– Да, это плохо, коли не ведаешь, что с семьей. Лучше знать, пусть и самое худое, нежели вот так маяться.

– Ладно. Ты до утра заступил?

– До зари. Потом сменщик придет.

– Давай, неси службу. Я постараюсь уснуть.

– Ты, боярин, надейся на лучшее.

– Благодарю, ратник. – Бордак вернулся к опричнику, несшему службу в лагере, и спросил: – Ну что, сделал снадобье?

– Да, вот оно, выпей.

– Все пить?

– Все.

Михайло опустошил чашу.

– А теперь ложись и попробуй уснуть, – сказал опричник.

– Получится ли?

– Ты ложись, а там видно будет.

Воевода вернулся в шалаш, лег на лежанку.

– Ты чего, Михайло? – раздался голос княжича Парфенова с другого края шалаша.

– Голова разболелась, Василь. Я разбудил тебя?

– Если скажу «нет», согласишься?

– Не поверю.

– И правильно сделаешь. Все о своих думы думаешь?

– А как же, Василь? Ведь не ведаю, что с ними.

– Хорошо хотя бы то, что на подворьях людей не было, да и ладьи тоже. Значит, ушли рекой и твои, и мои.

– А как узнать? Да еще вотчина твоя стоит на пути орды.

– Ну если Девлет повел ее на рязанские земли, то, может, и минуют крымчаки село. А нет, то только бы дошли наши до него, а там ключник переправит их в лес, в скрытное место, недоступное для чужаков.

Бордак приподнялся и сказал:

– Слушай, Василь, а если нам зайти в твою вотчину? Это же не так далеко.

– Да, не особо. Верст пятьдесят отсюда на восток. Там река Москва извивается как уж. Вот на правом берегу излучины и стоит село. А орда и мы на левой, западной стороне. Так что, чтобы зайти в село, придется переправляться через реку, а бродов там нет.

– Это не страшно. Да и всем переправляться не надо, только нам двоим.

Парфенов зевнул и проговорил:

– Ты главный воевода. Тебе решать, куда и зачем идти отряду. Можем и зайти.

– Давай поступим так. Впереди село Волонино. Оттуда дымом несет, хотя и слабо уже. Утром, после молитвы и завтрака, отправимся к этому селу, посмотрим, что там, пройдем далее до деревни Колодка, что верстах в двадцати от него. После свернем на восток и двинем к твоей вотчине.

– Согласен, если только крымчаки не помешают нам уйти.

– Это понятно. Коли их будет не слишком много, то схватимся с ними. Это сейчас самое главное. Тут уж не до своих дел.

– Вот и договорились. Я и сам, если честно, хотел просить тебя свернуть к Стешино, да не решался.

– И с чего ты стал такой нерешительный? Я для тебя большой начальник?

– Так положено, Михайло. Ты первый воевода, главный, я всего лишь твой помощник.

– Прекрати даже думать о том. Мы в первую голову товарищи.

– Ладно, порешили. А теперь отдыхать. А то будем с утра как мухи сонные.

– Не ведаю, смогу ли забыться.

Но Бордак уснул быстро. Головная боль прошла. Наверное, зелье помогло. Или же то обстоятельство, что он решил провести вотчину Парфенова.

Лагерь проснулся на рассвете.

Бордак тут же выслал разъезд, приказал ему посмотреть округу. Конники далеко не ходили, оглядели лес, ближнее поле и вернулись. Старший разъезда доложил воеводе, что крымчаков и вообще кого бы то ни было поблизости нет. Но чувствуется запах дыма. Ветерок приносит его с верховья реки.

Воины собрались на середине поляны, помолились, перекусили тем, что было в сумках. Припасы они берегли, добыть их было негде, кроме сел и деревень, разоряемых ордой.

После этого Бордак вызвал к себе головной дозор. Его возглавлял Иван Пестов. Под началом у него были Федор Верга, Егор Ступа, Осип Карась и Никола Бартов.

Свое задание Пестов знал.

Бордак лишь сказал ему:

– Помни, Иван, идем позади орды. Крымчаки могут вылезти откуда угодно. Причем отрядом немалым. Коли они завидят вас, то нам всем придется тяжело.

– Я это знаю, воевода.

– Тогда вперед, к реке. Она где-то в версте. Далее по берегу до села Волонино. До него чуть более десяти верст. Уразумел?

– Да, боярин.

– С Богом!

– Пошли, ребята, – дал команду дозорным Пестов.

Головной дозор ушел с елани по тропе к полю.

Княжич Парфенов тем временем построил десятки.

– Идем до ближнего села, от него до деревни, – сказал боярин своим людям. – Десятникам назначить дозорных по сторонам. Им выход по моему распоряжению. Вперед, воины!

Отряд Бордака, состоявший из трех десятков бойцов, покинул лесную поляну. Еще до молитвы опричники убрали с нее шалаши, не оставили ни единого следа своего пребывания здесь.

Воины шли в строгом порядке. За головным дозором следовали ратники Фомы Рубача, с ними Михайло Бордак и Василий Парфенов. За ними держался десяток Якова Грудина, позади – люди Луки Огнева.

К воде они вышли быстро и увидели нечто страшное. По реке плыли трупы мужиков, баб, детей, доски от лодок, бревна от плотов. На песчаной кромке лежали два трупа. Оба бабы. Обгоревшие. А сколько таких тел река уже унесла? Жители Москвы искали спасение, а нашли погибель.

Сердце Бордака уколола жуткая мысль:

«А нет ли среди этих трупов моих Алены, Петруши, Герасима и Марфы, других знакомых? Не разлетелась ли на куски в давке ладья княжича, как те, остатки которых плыли по реке? Опять тревога. Нет никакого покоя».

Парфенов увидел бледное лицо Бордака и приказал отряду отойти от реки на сто сажень, что было тотчас исполнено. Всех ратников угнетало это зрелище.

Бордак же не вмешивался. Княжич поступил совершенно правильно. Он имел на то право как помощник, второй воевода.

Головной дозор шел без остановок. Михайло с Василем видели, как их конники оглядывали те места, откуда могли появиться крымчаки. Однако врага поблизости не было, потому отряд двигался довольно быстро.

Солнце было еще на восточной стороне, когда дозор вышел к возвышенности и встал. Бордак дал команду отряду сделать то же самое. Наверх пешком поднялся Иван Пестов, огляделся, обернулся и подал знак воеводе, попросил его подойти.

К нему отправились и Михайло, и Парфенов. Они соскочили с коней, передали их ратникам, по тропе, сделанной в траве Пестовым, поднялись на вершину. Оттуда увидели саженьях в двухстах пожарище. Это было странно, но село Волонино выгорело не все. Несколько дворов остались нетронутыми огнем.

Пестов взглянул на Бордака и сказал:

– Ночные дозорные говорили о дыме с этой стороны. Вот откуда он шел. Непонятно только, почему село не выгорело.

Княжич Парфенов оказался глазастей всех.

– А не выгорело оно потому, что огонь был сбит дождем, – заявил он.

– Но ведь не было никакого дождя, – с недоумением проговорил боярин.

– Не было в лесу, на елани, на которой мы стояли, и до этого места. А далее саженьях в ста сухая земля граничит с мокрой. Дождь полосой узкой пролился где-то в начале ночи. Пришел с запада, ушел на восток.

– А ведь ты прав, княжич, – сказал Пестов. – Как же я сам-то этого не увидел?

– Ладно, чего теперь, – произнес Бордак. – Крымчаки сделали свое дело и ушли. Вот только далеко ли?

– Насколько хватает глаз, никого не видать. – Пестов повернулся к Бордаку и спросил: – Какой наказ будет, воевода?

– Пройти дозором мимо села вдоль реки на версту, посмотреть лес, вернуться по его кромке. Времени на это, Иван, у тебя не много.

– Уразумел, исполню! – Пестов поспешил вниз.

Дозор тут же двинулся вперед.

Парфенов подал десятникам сигнал спешиться, сойтись в отряд и ждать. Те все поняли, подвели своих людей к ратникам Рубача.

Воевода с помощником смотрели за дозором, покуда он был виден, не скрылся за возвышенностью.

– Как ты считаешь, жители села сумели уйти от набега? – спросил княжич.

– По-моему, да. В Волонино не могли не знать о нашествии татар, о пожаре на Москве. Поэтому время уйти у них было.

– А если крестьяне подумали, что Девлет разграбит окрестности Москвы и пойдет обратно в Крым?

– Рассчитывать на это было бы глупо.

Парфенов невесело улыбнулся и сказал:

– Мы тоже думали, что Девлет поведет свою орду проверенным путем и на Козельск, как было решено в Бахчисарае, а видишь, что вышло.

– Ничего не было бы, если не наши изменники. Ради собственной выгоды они обрекли на смерть и унижения столько людей. Никого не пощадили. Как по-твоему, Василий, кто хуже? Татары-крымчаки или эти вот негодяи?

– Да наши, конечно же, похуже будут. Крымчаки что? Для них набеги – средство к существованию, а эти?.. Они ведь вовсе не наши. Изменники не имеют ни роду, ни племени. Я бы их давил собственными руками. А еще пищат некоторые вельможи, мол, царь нас притесняет. Да государю этих продажных тварей надо на плаху вести, головы им рубить без пощады, в назидание другим.

– Ладно, смотри на леса.

Парфенов повернулся.

– Да, вижу, ертаул по кромке идет. Три всадника.

- Значит, Пестов двоих в сам лес послал.
- Шустро основной путь прошли. Это говорит о том, что крымчаков дозорные не встретили.
- Они, по-моему, никого не встретили. А ведь должны были выйти хоть какие-то люди из Волонино, из леса, из-за реки.
- Может, они где-то тут и есть, хотели выйти, да нас увидели и опять спрятались. Им и в голову не придет, что орду преследует русская дружина.
- Наверное, ты прав.
- Ертаул вышел из леса и направился к возвышенности.
- Вскоре Пестов поднялся к Бордаку и Парфенову, смахнул пот с лица и доложил:
- Ничего и никого. В село, как ты и велел, воевода, мы не заходили, в округе на версту и более ни единого человека нет.
- Следы?..
- Тех много. От коней, людей, телег, скота разного. Они от села тянутся в сторону соседней деревни.
- От телег и скота, говоришь? – спросил Бордак.
- Да, боярин. Это худо. Значит, жители села не ушли до того, как налетели крымчаки.
- Ну это еще спорно. Сельчане могли в спешке переправиться на другой берег, бросить и повозки, и часть скота. Не до того, когда жизнь в опасности, – сказал Парфенов.
- Дай Бог, чтобы так оно и оказалось, – проговорил Бордак.
- Заходим в село, Михайло? – спросил княжич.
- Да вот думаю, стоит ли всей дружиной туда соваться.
- А чего ее делить-то? Нам чрез село дальше идти, к деревне.
- Коли крестьяне успели уйти на другой берег, то наверняка кто-то из них теперь из ближнего леса смотрит за селом. Большую дружину увидит, испугается и ноги унесет, ну а к малому отряду может и выйти, когда поймет, что мы свои.
- Коли для них остались эти самые свои, – вырвалось у Пестова.
- Бордак взглянул на него и спросил:
- Почему ты так говоришь, Иван?
- А потому, воевода, что люди могут быть злы на царя за то, что он допустил такое разорение.
- Государя-то за что винить? Он сделал все, что мог.
- Кто бы еще народу местному это объяснил.
- Вот мы и объясним. Лишь бы люди к нам вышли.
- Бордак принял решение и озвучил его:
- Мы с тобой идем в село вместе с головным дозором, посмотрим все, показываем себя на берегу. Надеюсь, кто-нибудь да выйдет к нам. И объяснимся, и про крымчаков узнаем, спросим, какими силами они подходили к селу.
- Воевода приказал дружине оставаться на месте, а сам вместе с Парфеновым и головным дозором поскакал к селу. Вскоре всем им стало ясно, что никто к ним не выйдет. Крестьяне не успели уйти. Кони заволновались, почуяв мертвечину. Ратники успокоили их, въехали в село, увидели порубленные тела стариков и старух, младенцев. Полегли и те мужики и совсем молодые парни, которые пытались отбить нападение крымчаков.
- Бордак остановил коня, закрыл глаза.
- Парфенов подъехал к нему и спросил:
- Что с тобой, Михайло?
- Не могу видеть трупы детей и молодых баб. Скажи мне, Василий, почему селяне не ушли на тот берег? Ведь и плоты у воды стоят, и лодки. Время у них было, успели бы переправиться, даже заведя крымчаков на той возвышенности.

– Не ведаю, Михайло, но, судя по всему, тут не ждали татар. Мужики своим делом занимались, бабы по хозяйству, дети играли на улице. Мыслю, тут вообще никто не смотрел за подходами к селу. Может, пастухи и заметили крымчаков, да уже поздно было. Странно все это. Как будто крестьяне не знали о том, что произошло на Москве.

– Но трупы-то в реке они должны были видеть. Хотя бы рыбаки.

– Селяне не могли не ведать о нашествии. Они подумали, наверное, что наши полки дали бой, как бывало не раз. А трупы? Ну попали под татар окрестные села. Хотя согласен, странно это. Должны были люди почуять беду.

– Нет, Василий, вернее будет считать, что селяне слепо верили в то, что русская рать отгонит татар от Москвы, и уйдут они обратно в свой Крым не солоно хлебавши. Вот и оставались на селе. Тем более после того, как царь Иван Васильевич Казань взял, Астрахань и западные земли Москве подчинил. Крестьяне не сомневались в том, что чужеземцы к нам больше не придут. Помнишь деревню Песчаную, что недалеко от Чугуева?

Парфенов кивнул и проговорил:

– Помню. Мы тогда по воле Ивана Васильевича за мурзой Икрамом в тех землях гонялись. Песчаную разорили люди этого пса. Вернее, нелюди. Как сейчас помню, проводник, который провел нас до деревни, нашел тело изрубленное своего кума. Там шестерых крымчаки убили, а тут? Страшно даже смотреть. Но надо, Михайло.

– Посмотрим. Я Песчаную-то чего вспомнил. Там такой же тогда запах был, как здесь. Не трупный, а горелый. Значит, крымчаки разорили село день назад, никак не раньше.

– И чего?

– Ничего. Потом об этом! – заявил Бордак и позвал старшего дозора: – Иван!

– Да, воевода, – тут же откликнулся хриплым голосом Пестов.

– Ко мне!

Старший дозор подъехал к боярину и княжичу.

– А чего вдруг захрипел? Где голос сорвал? – спросил воевода.

– Не в голосе дело, – ответил опричник и отвернулся.

Бордак все понял. Бравого ратника, не раз бившегося с жестоким врагом, рубившего его нещадно, душили слезы. При виде убитых селян у него ком в горле встал.

– Ты, Иван, пошли гонца к дружине. Пусть идет сюда.

– Слушаюсь.

Подошла дружина. Опричники посмотрели дома, и целые, и обгоревшие, клети, сады и огороды.

К Бордаку и Парфенову подъехал десятник Огнев.

– Воевода! – обратился он к Михайло. – Мы нашли сорок восемь тел. – Он запнулся, справился с собой продолжил: – Из них только младенцев тринадцать. Восемь мальчиков, пять девочек.

Бордак тяжело вздохнул и процедил:

– Продолжай!

– Стариков восемь, старух двенадцать, девять мужиков, которые бились с крымчаками, и шесть баб. Те все изнасилованы. Село большое, сорок дворов, тут могли жить до двухсот человек. Была и церковь, она сгорела дотла. Остальной народ и весь скот крымчаки увели с собой. Пошли они в сторону деревни Колодка. Остались куры да утки, которых татары не смогли поймать. Мы их побили. С припасами у нас не шибко.

– Побили и правильно сделали. Все одно зверь из леса сожрал бы. Ты мне, Лука, вот что скажи. Сколько, по-твоему, тут было крымчаков?

– Думаю, не менее полусотни, может, сотня.

– Не более?

– Нет. Где-то так, как я сказал.

– И давно налет был?

– Недавно, прошлым днем, когда мы еще на полпути к стоянке были. Татары ушли в сторону деревни, сама туда ведет.

– Что ж они с ясырем пошли еще и на деревню таким малым числом? Если крымчаки тут взяли где-то полторы сотни человек, то только на охрану потребуется три десятка.

Огнев вздохнул и произнес:

– Им бояться нечего, даже если они и оставят при ясыре такую охрану. Деревенских мужиков против них с пару десятков наберется, никак не больше. У крестьян и оружия-то нет. Дубины, рогатины да топоры. С татарами они не управятся, все погибнут.

– До деревни двадцать верст. Если крымчаки тут разбойничали днем, то к ней с большим обозом они могли подойти только вечером. С ходу, уставшие не пошли бы. Сумерки близко, а там и темень. По ночам они не грабят. Значит, в деревню эти нехристи не пошли, встали где-то рядом, а уже с утра напали и на Колодку. Сейчас они должны быть там. Нас разделяют двадцать верст, но идти немедленно мы не можем. Надо людей похоронить по-человечески. Выходит, что к деревне Колодка мы выйдем к вечеру. Где в то время будут татары?

Огнев чуть подумал и сказал:

– Если они сразу после разорения деревни двинутся дальше вдоль реки, то... мне бы на чертеж глянуть, воевода.

Бордак достал карту, спешился. Соскочили с коней Парфенов и Огнев, склонились над развернутой бумагой, сориентировались, определились.

– Крымчаки на стоянку ночную с ясырем могут встать вот здесь, в роще. – Бордак указал это место на карте. – Или вот здесь, на краю леса. Это рядом, в десяти верстах от Колодки. Так что у нас получается?

Парфенов взглянул на него и спросил:

– Ты, Михайло, ищешь место, где можно будет напасть на крымчаков?

– А что же еще? Коли их от полусотни до сотни, то мы можем сойтись с ними в сечи. Главное, застать их врасплох, а это, я думаю, нам удастся. Крымчаки чувствуют себя вольготно после сожжения Москвы, считают, что рати русской больше нет, остались только отдельные небольшие дружины вроде нашей. А тут им простор, полная воля. Оттого и не ждут нападения. Это нам на пользу. А ты почему спросил, Василий?

– Я думаю, что до завтрашнего утра крымчаки из деревни не уйдут. Зачем им это делать, если через десять верст вставать на ночевку, причем незнамо где, то ли в роще, то ли у леса, то ли в открытом поле? Полонян надо свести в кучу, хоть как-то накормить и охрану к ним большую приставить. Что это за отдых будет? В деревне же совсем другое дело. Там пленников можно в дома загнать, где и печи, и дрова. Ничего искать и делать не надо. Только баб взять на стряпню. Колодцы есть. Тут и охраны потребуется меньше, и отдохнуть удастся как следует. С утра татары двинутся дальше, к стану основного войска, откуда они и посланы были за добычей. Таково мое мнение.

Огнев погладил бороду и проговорил:

– А ведь княжич прав, воевода. Я как-то о стоянке в деревне не подумал. Там ночевать действительно сподручнее, а сжечь ее они и утром успеют, перед самым уходом. К вечеру и мы дойдем до Колодки. Все разведаем, а поутру либо налетим, либо отступим. Это будет зависеть от количества татар. Если их более сотни, то нам никакая внезапность не поможет. Ну а если чуть меньше, то перебьем.

– Это если они останутся в деревне, – проговорил Бордак.

Парфенов кивнул и сказал:

– Останутся, Михайло. Если только мурза или сотник у них не дурак. Мы загодя выясним, как они поступили. Уходя, татары подожгут деревню, значит, дыма много будет. Вот он-то нам все и подскажет.

– Согласен, – сказал боярин, решительно махнул рукой, повернулся к Огневу и заявил: – Передай, Лука, наказ десятникам копать могилы на местном кладбище, сносить туда тела, хоронить. После этого, думаю, нам не до обеда будет. Но ничего, у деревни остановимся, там и поедим. Как захороним тела, идем к Колодке. Ты уразумел, Лука?

– Да тут и разуместь особо нечего. Я к десятникам, да, воевода?

– Давай, мы будем тут. Если что, посылай человека.

– Здесь и голосом позвать можно.

– Или так.

По команде десятников опричники приступили к похоронам погибших жителей села. Со слезами на глазах бывалые воины несли на руках изрубленных младенцев, молодых девиц, стариков, работали споро, без слов. Все понимали друг друга без них. В это время дозор смотрел за округой. Закончились похороны далеко за полдень. Как и думал Бордак, от обеда в деревне опричники отказались. Они просили воеводу быстрее вести их вперед, вдогон крымчаков. Оттого и указания Бордаку было проще давать.

Дружина выстроилась на южной стороне большого села.

– Идем к деревне Колодка. Там, по нашим расчетам, могут встать те самые крымчаки, которые разорили это село. До деревни двадцать верст. К ней мы должны выйти засветло. Слева от Колодки леса, справа – река. Мы встанем на елани, которую найдем там. Оттуда к деревне пойдет ертаул. Потом решим, как будем действовать. Ежели татар в деревне не будет, то встанем на ночевку. Поутру пойдем в погоню за ними. Порядок движения меняется. Дозор головной остается прежним, но за ним пойдет уже десяток Огнева, следом – Грудин, позади – Рубача. Я буду находиться впереди, дабы видеть дозорных. Перестраиваемся по ходу. Головной дозор, вперед!

Отряд Ивана Пестова двинулся из села по сакме, оставленной за собой крымчаками. Ее было хорошо видно. За дозором вместе с Лукой Огневым ехали Михайло Бордак и Василий Парфенов. Далее по разряду, определенному воеводой, следовали десятки.

Дозор задал прежний темп. Местность позволяла это делать, идти по следу татар и обоза, где-то срезать путь, тогда как крымчаки шли строго по реке. Посему отряд вышел к лесу, когда солнце только заходило за вершины деревьев.

Подойдя к опушке, Иван Пестов оставил дозор, жестом подозвал к себе воеводу и его помощника. Огнев передал команду – стоять, ждать. Бордак и Парфенов подъехали к старшему дозора, который уже послал в лес двоих воинов.

– Справа у реки холм. – Он указал на возвышенность. – Если отойти чуть правее, то будет видна деревня. Но лучше с того бугра. Я отправил Карася и Бартова искать елань. Теперь жду твоего распоряжения, боярин.

Бордак кивнул и проговорил:

– Надо выставить дозор на краю леса, смотреть за дорогой, идущей от деревни. Ты, Иван, отряди человека встретить десятки. Пусть встанут левее. Как твои воины найдут подходящую поляну, всем надобно будет идти туда. Но пока мы не подъедем, стан не разбивать. Предупреди Карася или Бартова, дабы провели отряд до елани, коли найдут ее. А нет, так в лесу будем. Уразумел?

– Да, боярин.

– Сам будь на посту, но так, чтобы и нас видел, и деревню.

– Ясно.

Парфенов, находившийся рядом, сказал:

– Если крымчаки в деревне, то наверняка выставили посты охранения и с этой стороны. Они могут заметить нас, если пойдем к высоте верхами.

– А мы пойдем пешком, Василь. – Бордак обернулся к старшему дозора. – Иван, пусть твой человек передаст Грудину, чтобы прислал к нам одного воина. Может понадобится гонец. Идти к холму скрытно!

– Понял. Давайте коней. Я покуда привяжу их к деревьям.

Воевода и его помощник спешили, размялись и двинулись к лесу. Из-за кустов, обрамлявших опушку, посмотрели вперед. Увидели деревню, целую и невредимую, но занятую крымчаками. От кустов они заметили только троих татар. Смотреть дальше мешали дома.

Бордак взглянул на Парфенова и распорядился:

– Теперь быстро подходим к подножию холма, который так удачно расположился здесь.

– А не заметят крымчаки из деревни?

– Пригнемся, нас не будет видно.

– Ну коли так, пошли.

Воевода и помощник перебежали дорогу, укрылись за холмом. Бордак посмотрел на Пестова, который только что подал знак Огневу. Иван поднял руку и плавно опустил. Это значило, что он не заметил в Колодке ничего подозрительного.

Парфенов вытащил из ножен саблю.

Бордак не без удивления посмотрел на товарища.

– Ты чего, Василий? На холм, а не на крымчаков идем.

– А коли наверху дозор татар? Это очень удобное место. Все видно, и своих предупредить можно.

– Верно говоришь. Я бы посадил на холм дозор, но коли так же сделали бы крымчаки, то они уже заметили бы людей Пестова и двинулись бы сюда. Но в деревне тихо. Ладно, поднимаемся.

Боярин и княжич забрались на холм и прилегли за кустами. Бордак посмотрел назад. С той стороны к лесу подходила его дружина. Он повернул голову влево и увидел двух дозорных, которые тут же исчезли в зарослях недалеко от дороги и сакмы. Парфенов между тем смотрел на деревню.

– Ну и чего там, Василь? – спросил Бордак.

– Знаешь, мне кажется, что крымчаки застали деревню пустой.

– Пустой? С чего ты взял?

– Нет скота, коней, даже в уцелевших дворах. Да и жителей не видать. Там только крымчаки. Они сами и воду носят, и дрова складывают во дворах да на улице.

– Да, могли полонян заставить. Не только деревенских. Почему татары этого не делают?

– Да, пленников не видно. У плетней сзади стоят телеги и кони. Табун на лугу рядом с лесом. Этот явно не из деревни. Кони жмутся друг к другу, стоят кучно. Не привыкли к этому месту, оттого и волнуются. Значит, они из села. А коров и овец, захваченных в Волонино, татары уже забили. В деревне их сотня, а то и меньше.

– Это определим. Худо, что полонян не видим. Может, тут встал основной отряд крымчаков, а обоз с полонянами пошел далее?

– Пыль от него была бы видна. Но пока мы подходили, обоз мог уйти далеко. Хоть отмстим крымчакам, коли не в силах освободить полонян.

– Надо бы и то и другое сделать.

– Согласен, но мы не в силах что-либо изменить, только мстить можем.

– И за селян, и за москвичей.

– Может, еще узнаем о наших родных и близких. Не знаю, как тебе, а мне впервые за долгие годы сейчас страшно. Да так, как только в детстве было, когда тонул, а помочь мне никто не мог. Тогда повезло. Не знаю, как уж сумел, но выплыл. Перепугался до дрожи. Вот и сейчас так. Не за себя переживаю, нет. За Алену, Петрушу, Герасима с Марфой да Кольку. Не поверишь, боюсь ехать в твою вотчину. А вдруг их там нет? Тогда с ума сойду.

- Думай о деле. Сейчас тебе, воевода, следует руководить отрядом.
- Да. Ты прав.

Сзади послышался шорох. Воевода и помощник обернулись. Княжич поднял саблю. Появился Богдан Куля, воин из десятка Якова Грудина.

- Воевода, это я, Куля, – сказал он. – Гонцом быть послан.
- Ложись и ползи к нам.

– Угу! – Ратник замер рядом с Бордаком и доложил: – Карась и Бартов нашли елань. Она небольшая, но места для стоянки отряда хватит.

- Далеко от опушки?

– Нет, саженьях в сорока с этой стороны, в двадцати от дороги, от деревни где-то в пятидесяти.

- Удобная поляна. А воины по-прежнему у опушки. Почему так?
- Так десятники туда своих людей отправили, получше осмотреться велели.
- Правильно сделали.

Ратник глянул перед собой и спросил:

- А это и есть Колодка?

– Да.

– Вроде тихо там.

– Тихо не означает спокойно. А тебе придется сразу назад идти.

– Пойду хоть куда, если надо.

– Передашь Огневу, чтобы на елани не распускал десятки и отправил ертаул из пяти ратников к деревне. Задача простая. Надо все посмотреть, обойти Колодку со всех сторон, проведать, там ли полоняне, что с жителями. Пересчитать татар, определить, где они выставили дозоры, имеются ли укрытия на поле у самой деревни.

– Понял, воевода. Позволь один вопрос.

– Давай.

– Мне потом опять сюда прийти?

– Куда же мы без тебя, Богдан? Конечно, воротиться надо и из еды взять чего-нибудь. –

Бордак взглянул на Парфенова. – Ты как, Василь, голоден?

– Не особо. Мы же не будем сидеть тут до утра?

– Кто знает, может, и будем.

– А толку с того?

– Поглядим. Ступай, Богдан, не надо еды.

– Понял.

Ратник отполз назад, спустился с холма и вышел к лесу. Он увидел там только Пестова да дозорных Федора Вергу и Егора Ступу. Те показали ему на опушку. Дружина уже вошла в лес.

Богдан легко нашел тропу, вскоре подошел к десятнику Огневу, исполнявшему обязанности старшего дружины в отсутствии воеводы и его помощника, и сказал:

– Лука, боярин велел тебе отправить ертаул к деревне, отрядить в него пять ратников. Задание...

– Погоди, – остановил его десятник. – Поначалу я определюсь с ертаулом, потом объяснишь воинам задание. Чего передавать через меня, коли можно напрямую.

– И то верно. Определяйся.

– Ожидай тут.

Огнев подозвал к себе Владимира Гранова, Семена Зорина, Бориса Талого, Зосиму Горбушу и Бориса Агранова.

Опричники подошли к нему и слышали:

– Тут такое дело, ратники. Воевода наказал отправить к деревне малый ертаул. Собрать его поручил мне. Я выбрал вас, самых опытных в этом деле. Старшим будет Гранов. Вот Богдан Куля, он объяснит задание.

Ратник сделал это.

– Что ж, – проговорил Гранов. – Нам не впервой, сделаем. Сколько времени у нас на это?

– Воевода об этом не говорил.

– Значит, не уходим от деревни, покуда не выполним наказ. Выходить немедля?

– Да, – сказал десятник. – Отправляйтесь пешими, ребята.

– Это понятно. Не гарцевать же на конях пред татарами. Еще один вопрос.

– Ну?

– Коли попадутся под руки крымчаки, бить их?

– Лучше обойтись без этого, но коли другого выхода не будет, то бить и тела прятать, чтобы до утра не хватились.

– Ладно. Идем, – сказал Гранов опричникам ертаула.

Вскоре небольшой отряд вышел на восточную сторону лесного массива. До деревни отсюда было всего двадцать саженей.

Гранов взглянул на Зорина и сказал:

– Семен, это твое место. Проскользнешь тихо к опушке, устроишь лежбище и будешь смотреть за деревней. Навоз конский не забудь выставить пред собой, а то собаки тебя учуют. Странно, что татары их не перебили.

– Да, сделаю.

Пред выходом Горбуша набрал навоза и раздал его по пути ратникам. Все они знали, что это надежная защита от собак.

Зорин осторожно пошел к деревне.

– Идем дальше, – распорядился Гранов, саженей через десять указал на Горбушу и проговорил: – Тебе, Зосима, следует тут сделать то же самое, что и Зорину.

– Уразумел, ухожу.

С остальными ратниками Владимир пошел в обход деревни. Они обогнули Колодку по балке, что тянулась из леса до самой реки.

Потом Гранов поднялся по склону и тут же спрятал голову. В десяти саженях от него располагался загон, в котором сидели, лежали и стояли полоняне. Пересчитать их не было никакой возможности. Подойти тоже, потому как их охранял десяток крымчаков. Они объезжали загон, плетками отгоняли людей от городьбы. Это делали пятеро татар. Все прочие расположились на стороне деревни. Они разожгли костер, коней привязали к кольям изгороди, расселись вокруг огня и жарили на вертелах куски мяса. Уже стемнело, и задача ертаула усложнилась.

Вдруг внизу раздался приглушенный вскрик. Гранов напрягся, глянул на загон и убедился в том, что охранники ничего не слышали. Он обернулся и увидел, что Талый и Агранов навалились на какого-то мужика.

«Неужто крымчак из охраны?» – подумал Владимир и спустился в балку.

Оказалось, что опричники повязали не татарина, а обычного русского мужика. В стороне валялся топор.

Талый выпрямился и сказал:

– Хорошо, что заметили мы этого лешака. Выскочил из канавы и прямо на нас с топором бросился. Отбились, скрутили.

– И кто он?

– Не знаю, но думаю, что местный. Увернулся от татар.

– Подымите его.

Агранов поднял мужика, руки которого были крепко связаны сзади.

– Ты откуда тут взялся? – спросил Гранов.

Тот недоверчиво осмотрелся и проговорил:

– Свой, что ли?

– Это кому как. Отвечай, кто ты и зачем тут.

– Ну да, точно свой. Вы откуда объявились? Да развяжите, бугаи. У самого силы немало, а вы вон как ловко и топор выбили, и уложили на землю. Обучены, стало быть.

– Ты от ответа не уходи!

– Да из деревни этой я, Ипат Волин.

– Сумел уйти от крымчаков?

Мужик посмотрел на ратника и сказал:

– Так вся деревня на тот берег ушла.

Воины переглянулись, и Гранов спросил:

– Как ушла?

– Обыкновенно. Прознали про татар, схватили скарб, сколько унести можно, скотину, коней, да к плотам и к тому берегу. А там в лесу у нас острожек заранее подготовлен.

– А как прознали про крымчаков? – поинтересовался Агранов.

– У нас мужик был на селе. Как раз только выехал, так татары и объявились. Поглядел он, что творят изверги, да в деревню галопом. Голова наш Федор Баксин тревогу поднял, вот все и ушли.

– Слава Богу, что хоть деревня не пострадала.

– Как это? Это пока крымчаки стоят в деревне, они ее не трогают, а завтра пожгут все, отстраивайся потом заново. Так что еще как пострадает.

– Главное, в полон вас не взяли.

– Это так. Я смотрел на бедолаг из села. И жалко мне их, особенно детишек да девиц, а чего поделать? Но решил отомстить. Задумал хоть одного татарина зарубить. А то ведут себя как хозяева.

– Что бы ты один сделал? – спросил Гранов.

– Сказал же, хоть одного, но прибил бы.

– Ладно. Ты давно здесь?

– Да еще после обеда через реку переправился и в эту балку зашел. Смотрел, как обу-
страиваются крымчаки.

– Это хорошо. Значит, видел многое, чего сейчас уже не разглядеть.

– Да как сказать. Видел кое-что.

– Поделишься?

– Так вы все одно заставите.

Талый усмехнулся.

– Догадливый.

Гранов велел ему смотреть за деревней, сам же продолжил разговор с мужиком:

– Ну и что видел?

Мужик почесал затылок и заявил:

– Ты сначала скажи, кто вы будете? С виду ратники, только откуда здесь?

– Узнаешь. Всему свое время. Отвечай на вопрос.

– Что видел? Крымчаков, полонян из села, которых посадили в загон, да все, что проис-
ходило в деревне. Отсюда она хорошо видна. Старший у них их сотник Айтуан, коли не путаю.
Так вроде его называли степняки. Он и помощник его встали у головы Баксина, это вторая
изба от загона по правой отсюда стороне. Десяток сразу у загона с полонянами остался. Другие
крымчаки начали скотину, что с собой привели, резать, мясо готовить. Молились дважды всем
скопом на площади для схода. Тогда я и посчитал их.

– Где научился счету?

– Ты думаешь, если мы деревенские, то мужики неразумные? У нас голова грамотный. Я обучен не только счету, но и чтению. Еще отец учил. Только писать не могу, это для меня дело темное. Тут крымчаков шесть десятков.

– Точно?

– Смотри за деревней, проверь.

– Лады. Поверю. Шесть десятков. Где они? Один возле полонян. А тех сколько, не ведаешь?

– Знаю и о них. Из села крымчаки пригнали сотню, еще десяток и двух человек. По домам разобрали десятка два девок и баб, сотнику с помощником отвели двух молодых. Значит, в загоне менее сотни.

– Стало быть, сотник, ты говоришь, во второй избе от загона?

– Угу.

– Там и охрана?

– Про то не знаю. У загона она есть.

– Мы ее видели. Спасибо тебе. Вот только не могу понять, как ты собирался крымчака зарубить.

Мужик злобно ухмыльнулся и проговорил:

– Я тут шум поднял бы. Десятник, который отвечает за охрану полонян, послал бы сюда одного или двух своих татар, велел бы им поглядеть, что тут да как. Вот их-то я и встретил бы ласково.

– Одного зарубил бы, а второй прибил бы тебя.

– Это как Богу угодно. Но думаю, что справился бы. На берегу меня старший сын в лодке ждет. Рекой ушли бы.

– И показал бы сотнику, куда делись жители деревни.

– Нет, мы ушли бы дальше по течению, а в версте излучина, там затон, в нем трава высокая. Вытащили бы лодку на берег и до своих дошли бы.

– Сын, говоришь?

– А как же. У меня все как у людей. Жена работающая, пригожая, два сына и две дочери. Семья добрая, дружная.

– Ты пошел на это, имея семью?

– Иначе не мог. Должен же кто-то бить татар, коли полки царя Ивана Васильевича с ними не справились, позволили нехристям грабить земли наши, защищали только Москву.

Гранов вскинул глаза на мужика и спросил:

– А ты не знаешь, что с Москвой стало?

– Нет. Того у нас никто не ведает. Вот только отчего-то трупов по реке плыло много, теперь поменьше. Но голова наш говорил, что это может быть из-за разбоя крымчаков на подходе к Москве, у реки.

– Это тела людей, погибших в городе.

– Боже милостивый, спаси и сохрани! Что ты такое говоришь? С чего из Москвы? Или...

– Он замолчал, испугался собственной догадки.

Гранов тяжело вздохнул и сказал:

– Да, Ипат Волин, беда на Москве большая. Такая, какой никогда и не было.

– Неужто ворогу царь столицу свою сдал?

– Нет, Ипат. Москву не сдали. Она вся выгорела.

– Как же?..

Гранов поведал мужику о том, что случилось в столице.

Мужика словно столбняк хватил. Он стоял, глядел на ратника и часто моргал.

– Эй, Ипат! – окликнул его Гранов.

Тот пришел в себя и пробубнил.

– Вот так дела! Это что же, нет теперь Москвы?

– Сплошное пожарище.

– Так вот почему столько тел в воде. Люди пытались спастись, река и приняла их. Беда. На деревне узнают, не поверят.

– Ничего, Ипат, Москву отстроим. Я думаю, что вы всей деревней должны туда идти. Там теперь рабочие руки очень нужны. Но это не мое дело.

– Так кто вы?

– Дружина, которая выполняла наказ царя. Мы должны были бить татарам в спину, когда они осадят город. Да вот не случилось встретить их на Москве. Пошли вдогон.

– Вот как. Дружина, значит?

– Дружина. Особая, опричная.

– Да ладно.

– Почему не веришь?

– Так про опричников... – Мужик замялся, осторожно глянул на Гранова.

– Знаю, что у тебя на уме. Пугали вас вельможи московские опричниками?

– Не хвалили их. Тут вотчина боярина Сухина. Так он и его люди, которые навевались сюда каждое лето, кроме этого, говорили, что лютуют опричники, невинных людей хватают, к себе на двор или в слободу свозят, там в котлах живыми варят.

– И вы поверили?

– Как боярину не верить да челяди его?

– Понятно. Значит, мы хуже крымчаков?

– Я того не говорил.

– Но думал, да?

– Нет.

– Думал. А зря. Мы уже какой год исполняем наказы царя и больше сталкиваемся с татарами, а не с боярами. А знаешь ли ты, Ипат, что Девлет-Гирей не собирался на Москву идти, хотел земли южные разорить да с ясырем убраться восвояси? На Москву же его наши продажные бояре да дворяне и направили, показали обходную дорогу.

– Не может быть.

– Так оно и есть. Перехватили мы один такой обоз боярина продажного, да ушел он. Взяли только дворянина из свиты его. Он-то и поведал о предательстве. Немало таких изменников в Крым подались. Вот и скажи мне, Ипат, что царю следует делать с такими вельможами, которые совесть и родину продают?

Волин ответил сразу, не задумываясь:

– На плаху, да головы им рубить нещадно.

– Что Иван Васильевич и делает. А бояре, которые только о себе пекутся, царя нашего опорочить желают и делают это, сеют слухи о зверствах опричников. Не верь им.

Мужик был в полной растерянности.

– И чего мне теперь делать? – спросил он.

– Сколько домов в деревне?

– С лесной стороны десять, с речной – семь.

– Всего семнадцать?

– Так.

– Крымчаков шесть десятков, один из них на охране полонян. Еще пятеро татар в охранение выйти могут. Значит, в каждом доме и четыре человека не будет. Так получается?

– Татары заняли десять домов, по пять с каждой стороны, считая от загона. Дальше избы пусты.

– Сам видел?

– А кто бы мне об этом рассказал?

– Тоже верно. Хорошо, спасибо. Чего тебе делать? Будь пока тут, только сходи на реку, передай сыну, чтобы спрятал лодку и сидел скрытно на берегу.

– Угу, уразумел.

– Ступай.

Мужик ушел балкой.

– Пойдем наверх, – сказал Гранов Талому.

Они поднялись к Агранову, и старший ертаула спросил:

– Что тут, Борис?

– Да то же самое, что и было. Загон, пленники, охрана. Недавно баб и девок десятка полтора татары привели из деревни.

– С чего бы это? Странно, но хорошо. В охране полонян тот же десяток?

– Да. А вот дальше ничего не разобрать. Придется заходить с речной стороны.

– Не придется. Мужик рассказал все, что нужно.

– И что мы теперь делаем?

– Отходим к стану.

– Кто за наблюдателя останется?

– Мужик из деревни.

– Ты так надеешься на него?

– А что? Он такой же русский, православный, как и мы. Не стал оставаться в лесу, сюда пришел, хотел загубить хоть одного татарина. Ему можно доверять.

– Ну не знаю.

– Я знаю, Борис. Еще Горбушу тут оставим.

– Это другое дело.

– Отползаем.

Ратники спустились в балку.

К ним подошел Волин и сказал:

– Исполнил наказ. Сын в кустах, чуть ниже по течению. Как о Москве услышал, едва не заплакал, а когда я сказал о дружине, обрадовался, просил взять с собой. Пришлось отказать.

– Это правильно, – заявил Гранов. – Дело к тебе, Ипат, есть, очень важное.

– Слушаю.

– Нам надо уйти. Вернемся мы сюда всем отрядом. Ты посмотришь за деревней и особо за загонем?

– Зря спрашиваешь. Сделаю все, что надо. Можешь положиться на меня.

– Смотри, чтобы татары тебя не заметили.

– Не заметят. Только обещай, ратник, что возьмете меня рубить татар в деревне. Я пригожусь. Деревню-то как свои пять пальцев знаю, да и исполнить должен то, что обещал самому себе и всему деревенскому народу, – прибить до смерти хоть одного чужака.

– Это решит воевода.

– Попросишь его за меня?

Опричник, может, впервые за последние дни улыбнулся.

– Ладно, попрошу, – сказал он.

– Благодарствую.

– Не на чем. Да и рано пока благодарить. Я не могу знать, что решит воевода, а он у нас строгий, боярин. А в помощниках у него княжич.

– Это чего?.. Неужто такие вельможи воюют вместе с дружиной?

– Они нами и начальствуют.

– А я думал, бояре, как наш Борис Борисович Сухин, в теремах на Москве живут и простого люда до себя не подпускают. Важничают. А оно, оказывается, бывает и по-другому. А что, боярин и княжич тоже опричники?

– Нет.

– Это как можно? Земские опричниками начальствуют?

– Можно, Ипат. Боярин с княжичем не простые вельможи, а ближние к государю люди.

– Да что ты?

– Слово даю.

– Чудеса. Так скажи им, что Ипат Волин сторожит врага, глядит за полонянами и желает биться с татарами до смерти.

– Скажу. Да и ты с ними поговорить сможешь, они простым людям не брезгают. В походе повсюду впереди. И в сече бьются вместе с ратниками.

– Ты меня еще больше удивил.

– Вот так! Ну давай, ты гляди тут. Мы пошли. Но скоро вернемся.

– Угу. Не волнуйся, ратник, все сделаю так, как надо.

Гранов повел трех воинов в лес.

Зосиму Горбушу он оставил смотреть за деревней. Тот сказал ему, что правая часть деревни пуста, в избах там никого нет. Это уже было известно старшему ертаула. Еще он доложил, что на северной околице татары держат пост, в нем два человека. Еще пара у второго дома ближнего ряда, у дома, где встали сотник и его помощник.

Ратники отдыхали на кромке елани, все в доспехах, при конях и оружии.

Посредине поляны на бревне сидели Бордак и Парфенов. Они говорили о своих личных заботах.

Дозорный, который был выставлен на южной стороне елани, дал отмашку, и чрез малое время на поляну зашли четверо ратников ертаула. Гранов пошел к воеводе, остальные отправились к своим, в десяток.

– Ну и что ты узнал, Владимир? – спросил старшего ертаула Бордак.

– А вот послушай, воевода.

Он не торопясь, с толком, подробно рассказал о том, что ратники видели сами и услышали от мужика.

Проведав о том, что жители деревни успели уйти от крымчаков, воевода и помощник облегченно выдохнули.

– Слава тебе, Господи, хоть этих минула участь полонян, – проговорил Бордак.

Все трое перекрестились.

Парфенов передал Гранову ветку, заранее сломанную и заостренную, расчистил небольшую площадку перед бревном.

– Делай чертеж деревни, Владимир.

– Сразу не соображу, да и темно.

Несмотря на то что небо было чистым, света луны и звезд не хватало.

Княжич не стал никого тревожить, достал кресало, кремь и трут, выдернул из-за бревна пучок прошлогодней травы, развел огонь, подбросил в него сухих веток.

Владимир Гранов начал чертить и объяснять:

– Вот река, балка, десять изб от леса и семь от реки. Здесь загон. В нем более сотни полонян. Вот в этом доме отдыхают сотник татарский с помощником, с ними пара ратников на охране и посылках да две молодые бабы. Крымчаков шесть десятков, один из них вокруг загона. Думаю, несколько человек будут дозорную службу нести.

Он упомянул про Ипата Волина, с его слов рассказал о размещении крымчаков по дворам.

Бордак выслушал его и сказал:

– Спасибо тебе, Владимир. Теперь ступай к своим да позови к нам десятников.

– Мужик помог. Без него мы еще сидели бы вокруг деревни.

– И его отблагодарю.

– Он просил взять его с собой на татар. Мол, я должен зарубить хоть одного. Очень просился.

– Ладно, я решу, разрешить или нет. Ступай.

Опричник Гранов ушел, подошли десятники.

Бордак предложил им:

– Садитесь прямо на траву, пока тепло, да не затрите чертеж на земле. – Десятники опустились на корточки вокруг схемы, и воевода продолжил: – Вышло так, что крымчаки залезли в избы, выставили дозор на околице и один десяток на охрану полонян, которых собрали в загоне на конце деревни. Предлагаю напасть на них ночью. До рассвета мы можем вообще всех крымчаков перебить, полонян освободить. Как кто думает, десятники?

Лука Огнев, Фома Рубач и Яков Грудин ответили, что согласны.

– Тогда так. – Бордак начал объяснять каждому, что делать.

Парфенов подбрасывал хворост в костер.

Десятники выслушали воеводу.

– Вопросы ко мне есть? – спросил Бордак. – Ежели нет, то готовьте воинов. Я пойду с Огневым, буду и с Рубачом, княжич Парфенов – с Грудиным. Выход к деревне и готовность к бою – один крик кукушки. Нападаем после троекратного крика или моего распоряжения, отданного голосом. Все, ступайте.

Воины быстро окружили деревню. Коней, в которых сейчас не было нужды, они оставили на опушке леса.

Бордак с отрядом Рубача вышел в балку.

По откосу спустился мужик, снял шапку.

– Я извиняюсь, конечно, но ты и есть боярин, воевода?

– Да, а ты, стало быть, Ипат Волин?

– Он самый.

– Мне ратник мой говорил, что ты желаешь бить татар?

– Слов нет передать, как желаю, боярин. Не гони ты меня, дай отомстить басурманам за сожженное село, за убитых стариков и младенцев.

Бордак взглянул на десятника и распорядился:

– Фома, возьми мужика к себе.

– Понял.

– Благодарствую, боярин. А как звать-величать тебя, чтобы потом молиться за твое здоровье?

– Молись за царя и все воинство его, а зовут меня Михайло Алексеевич.

– Благодарствую еще раз, Михайло Алексеич. Чудно мне, боярин, высокий вельможа, а как простой ратник. А воин твой говорил, что в дружине и сын князя есть.

– Есть. Помощник мой. Он тоже будет громить татар.

– Вот и говорю, чудно.

Рубач взглянул на мужика и спросил:

– Ипат, ты воевать желаешь или с боярином лясы точить?

– Воевать.

– Будь рядом со мной.

– Слушаюсь.

Бордак с Рубачом поднялись по склону балки. Воевода увидел загон, в котором толпились люди. Вокруг них – пятеро всадников с плетками, при саблях, в доспехах. Еще пятеро сидели и лежали возле костра.

Крикнула кукушка от реки. Парфенов с Грудиным сообщили, что вышли на край леса, видят дозорных.

Огнев уже был в лесу рядом с ближними дворами, готовый к атаке.

Бордак обернулся, кивнул одному из ратников.

Тот трижды крикнул кукушкой, подал сигнал Парфенову.

Княжич взглянул на десятника и распорядился:

– Давай, Яков, высылай воинов бить вражеский дозор, да тихо, чтобы в охране полонян и во дворах не слышали.

– Лопырев, Гринько! – позвал Грудин.

Опричники знали, что им предстоит делать.

– Вперед, воины! Как справитесь с постом, уходите сразу за ограды крайних домов, – сказал им княжич.

Опричники двинулись к опушке. Там на бревне сидели двое крымчаков. До них было сажень десять.

Лопырев посмотрел в сторону деревни и загона.

– Никого. Ну что, Степан? – обратился он к напарнику. – Рубим татар?

– Рубим, Игнат.

Ратники вытащили из ножен сабли, бросились к крымчакам.

Те увидели русских слишком поздно, не успели ни сигнал тревоги подать, ни достать свои сабли, как были порублены.

После этого Лопырев с Гринько метнулись к ближнему двору, встали у плетня.

Игнат Лопырев поднял руку и резко опустил ее, подал сигнал княжичу и десятнику, что дело сделано. Хотя в этом не было никакой необходимости, Парфенов и Грудин все видели.

Княжич перебежал улицу, разделявшую деревню. За ним Грудин и все остальные. Они прошли задами два двора. В следующей избе и в других четырех находились татары. Их сотник с помощником остановились в левом ряду, но то была забота воинов Луки Огнева.

Бордак видел, что отряд Грудина уже действует. Огнев тоже. Но перед атакой основных сил татар требовалось разгромить охрану полонян и удержать их в загоне.

– Ипат! – позвал воевода.

– Да, боярин, – тут же отозвался Волин.

– Поди сюда!

Мужик подполз, лег рядом.

– Слушаю, боярин.

– У тебя знакомцы на селе были?

– А то как же, были, конечно. И знакомцы, и родственники дальние. Горян Старый, Иван Боров, Игнатий...

– Хватит. Значит, смотри. Воины сейчас скрытно подойдут к крымчакам, которые охраняют полонян. Одни к костру, другие к конным. Ударят на них. Ты будешь с десятником. Когда перебьют охрану, ты подойдешь к загону и передашь через знакомцев и родственников, чтобы полоняне не суетились, не шумели и оставались на месте до моего распоряжения. Скажешь, что у деревни дружина. Скоро все будут на свободе. Пусть пока сидят в загоне, а то выскочат на радостях и все нам испортят. Сделаешь?

– А то! Конечно, сделаю, коли наказываешь, но потом пойду с ратниками.

– Добро, договорились.

– Так я пошел к десятнику?

– Он сам сейчас будет у балки, пойдет рядом со мной, ты с ним.

Мужик кивнул седой головой, шмыгнул носом, сильнее сжал топориче.

Бордак поднял руку.

Рубач принял сигнал и подал команду:

– Начали!

Ратники поднялись по склону балки, залегли, достали сабли, ножи. Рядом с десятником устроился мужик с топором.

Рубач взглянул на него.

– Только тихо, понял?

– Угу.

– Вперед!

Ратники Рубача начали продвигаться к загону, используя высокую траву, канавы, кочки. Пятеро опричников, которых вел Иван Пестов, прокрались к костру, залегли в траве, саженьях в трех от крымчаков. Трое конных стояли у загона со стороны балки. К ним двинулись лучники. Рубач с мужиком и остальными ратниками проскользнули к ближнему двору, обошли двух других всадников, о чем-то говорящих между собой.

Рубач поднял руку, и на крымчаков пошли со всех сторон опричники десятка.

Конных со стороны балки сбили лучники. Три стрелы точно легли в цель. Лошади шарахнулись, сбросили с себя тела сраженных татар.

Еще двоих длинной жердью, прихваченной с собой из леса, скинул с седел Егор Ступа. Федор Верга мигом зарубил их.

Крымчаки у костра ничего не успели понять, как на них налетели пятеро воинов. Татары завалились на бок и забились в судорогах.

Все это видели полоняне.

Рубач толкнул мужика и заявил:

– Давай к селянам, успокой их и беги за мной, если хочешь успеть прибить хоть одного крымчака.

– Угу, я мигом.

Появление деревенского мужика во многом предопределило исход схватки. Не будь его, полоняне, почуяв свободу, наверняка рванули бы из загона и подняли бы невообразимый шум, который предупредил бы крымчаков об опасности. И тогда, если они успели бы занять оборону в домах, выгнать их оттуда было бы невозможно. Хуже того, они сами быстро поняли бы, что подверглись нападению дружины числом всего в три десятка, и перешли бы в наступление.

Но Ипат Волин сделал то, что поручил ему воевода. Он успокоил людей, узнавших его, и кинулся за десятником, который выводил свой отряд на улицу.

Лука Огнев и Яков Грудин увидели, что пост на дороге снят, охранники полонян перебиты, и бросили свои десятки на дома.

Опричники врывались в избы и заставляли крымчаков спящими. Те держали оружие рядом, но воспользоваться им не смогли. Опричники рубили их налево и направо.

Лука Огнев и два ратника заскочили во второй дом.

На входе им подвернулся перепуганный крымчак. Он что-то закричал дурным голосом и тут же рухнул на пол с окровавленной головой. Его сбил один из опричников.

Татарский сотник с помощником остановились в самом большом доме со светлицей и двумя спальнями. Огнев указал ратникам в стороны, сам же рванулся прямо, в светлицу. Бордак не отставал от него.

Дверь напротив распахнулась, из нее в коридор вылетел татарин с саблей. Десятник отбил его удар, а Михайло рубанул врага по голове, и тот рухнул на деревянный пол. Воевода и Огнев вломились в светлицу и мигом прикончили пару татар, спавших на полу. Две молодые полонянки, не очень-то хорошо прикрытые одеждой, кинулись в угол и онемели от страха.

– Прикройтесь, девоньки, и не стыдитесь. То не позор, когда силой, – сказал боярин. – Здесь мы управились, десятник. Пойдем дальше.

Но идти было уже некуда. Дружинники перебили всех татар, спавших в домах. Исполнил свое обещание и Ипат Волин. Он зарубил топором двух крымчаков и теперь ходил по улице, довольный и гордый собой.

– Ипат! – окликнул его Бордак.

– Я, – мигом отозвался мужик.

– Поди сюда.

Волин подбежал к нему.

– Слушаю, боярин.

– Ступай к полонянам, скажи, пусть выходят из загона, да спокойно, без суматохи.

– Куда выходить, боярин?

– Сюда, на улицу.

– Угу, сейчас. Это дело доброе.

Вскоре улицу заполнили освобожденные жители села.

Парфенов наказал им встать семьями вдоль плетней дворов, ближних к реке.

Те так и сделали.

Бабы и дети плакали, мужики отводили взгляд.

– Люди! – обратился к ним Бордак. – Басурмане взяли вас в полон, убили многих родных и близких. Мы шли следом, о разбое узнали, когда ваше село уже было разорено, догнали татар и побили их всех до единого.

– А кто вы такие? – донесся молодой мужской голос с края толпы.

– Мы – особая опричная дружина царя Ивана Васильевича.

Воевода слышал обрывки фраз:

– Опричники, гляди-ка!

– Вот они какие.

– Не страшные.

– Отменные ратники, раз с ходу малым числом порубили всех проклятых басурман.

Бордак поднял руку и продолжил:

– Вы свободны, люди. Здесь среди нас есть житель этой деревни Ипат Волин. Благодаря ему нам удалось застать татар врасплох, да и сам он зарубил топором двух басурман. Ипат приведет сюда жителей этой деревни. Вместе порешите, как быть дальше. Помогайте друг другу. Мне тяжело о том говорить, но должен сказать. Девлет-Гирей вышел к Москве не там, где его ждали. Полки успели встать в оборону, но крымчаки подожгли посады. И то бы ничего, но налетел ураган, и Москва сгорела дотла. Погибли многие тысячи мирных людей. Одни сгорели, другие потонули в реке. Это великая беда для Руси. Посему думаю, что не следует вам отстраивать новое село. Надо идти на Москву, ставить новый стольный город. Но то решите сами. Мы же сделали свое дело тут, теперь пойдем дальше вдогон за татарами и будем бить эту нечисть, даже если у нас останется хоть один воин. Это опричная дружина, люди. Знайте о том. – Бордак подозвал к себе Волина. – Давай, Ипат, начальствуй тут с головами селений. А мы уходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.